

Mountain Captivity and Its Impact on the Marital, Family, and Religious Life of the North Caucasus Border Population in the First Half of the 19th Century

Yuri Yu. Klychnikov¹ & Sergey S. Lazarian²

Pyatigorsk State University. Pyatigorsk, Russia

Received: 16 January 2024 | Revised: 4 March 2024 | Accepted: 14 March 2024

Abstract

The article reveals the features of North Caucasian everyday life in the first half of the 19th century and the fate of people who suffered from the raids of the highlanders. The main attention is paid to the consequences of the destruction of families as a result of the loss of one of the spouses who was captured. The practice of entering into a new marriage and the attitudes of the Church to allowing a second wedding is shown. Based on the materials identified and first introduced into scientific circulation, the process of verifying the information presented in the petition for the conclusion of a new union, and the final result of such a procedure, is demonstrated. Participants in such proceedings included both men who had lost their wives and women who had forfeited their spouses and lost hope of their return from captivity in the mountains.

The fate of children who found themselves in a foreign ethnic environment and over time left out their former national and religious identity is presented. Once acculturated, they often remained among their captors, adopting their lifestyle and mental attitudes. There were also examples of returning to one's cultural roots, including in matters of faith.

Religious affiliation was considered as the most important element of a person's self-identification. The Church sought to preserve its flock and in this it found support from the official authorities.

Keywords

Church; Wedding; Highlanders; Raids; Captives; Family; Cossacks; Priests; Ransom; Faith

This work is licensed under a [Creative Commons "Attribution" 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: [klychnikov\[at\]mail.ru](mailto:klychnikov[at]mail.ru) ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3345-8793>

2 Email: [aflost\[at\]yandex.ru](mailto:aflost[at]yandex.ru) ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2440-7118>

Горский плен и его влияние на брачно-семейную и религиозную жизнь населения северокавказского пограничья в первой половине XIX в.

Клычников Юрий Юрьевич¹, Лазарян Сергей Степанович²

Пятигорский государственный университет. Пятигорск, Россия

Рукопись получена: 16 января 2024 | Пересмотрена: 4 марта 2024 | Принята: 14 марта 2024

Аннотация

В статье раскрываются особенности северокавказской повседневности первой половины XIX в. и судьбы людей, пострадавших от набегов горцев. Основное внимание уделяется последствиям разрушения семей в результате утраты одного из супругов, оказавшегося в плену. Показана практика вступления в новый брак и отношение Церкви к дозволению второго венчания. На основании выявленных и впервые введенных в научный оборот материалов демонстрируется процесс проверки сведений, представленных в прошении на заключение нового союза, и конечный результат такой процедуры. Участниками таких разбирательств становились как мужчины, потерявшие своих жён, так и женщины, лишившиеся супругов и утратившие надежду на их возвращение из горского плена.

Представлена судьба детей, оказавшихся в иноэтничном окружении и со временем утративших свою прежнюю национальную и конфессиональную идентичность. Подвергшиеся аккультурации, они нередко оставались среди своих похитителей, восприняв их образ жизни и ментальные установки. Были и примеры возвращения к своим культурным корням, в том числе в вопросах веры.

Конфессиональная принадлежность рассматривалась как важнейший элемент самоидентификации человека. Церковь стремилась сохранить свою паству и в этом находила поддержку со стороны официальной власти.

Ключевые слова

церковь; венчание; горцы; набеги; пленники; семья; казаки; священники; выкуп; вера

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons "Attribution" \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: [klichnikov\[at\]mail.ru](mailto:klichnikov[at]mail.ru) ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3345-8793>

2 Email: [aflost\[at\]yandex.ru](mailto:aflost[at]yandex.ru) ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2440-7118>

Введение

Неотъемлемой особенностью северокавказского фронта первой половины XIX в. являлись набеги с целью грабежа и захвата пленников. Этот феномен остаётся в числе дискуссионных приоритетов в кавказоведении (Блиев & Дегоев, 1994; Карпов, 1996; Ботяков, 2004; Марзей, 2004; Клычников, 2018). Речь идёт о причинах подобной практики (как варианта традиции). Фигурируют экономические, социальные, политические или культурные императивы, но в любом случае сам факт существования указанного явления сомнению не подвергается. В качестве дефиниции нередко выступают термины, использовавшиеся современниками – «хищничество», «набежчики», «наездничество»; при этом они не имеют некой уничижительной коннотации или эмоциональной экспрессивности, а остаются частью изучаемого «исторического фона», в котором они были употребляемы. Одной из первостепенных задач набегов являлся захват добычи, а наиболее дорогостоящей и потому и желанной её частью были пленники. Более ценились юные девушки и дети, которых можно было продать иностранным, прежде всего османским, купцам. Часть пленников, или ясырей, в качестве рабов оставались на Кавказе, и порой десятилетиями они использовались в хозяйстве самих горцев. За каждым случаем скрывалась человеческая трагедия, проявлявшаяся в виде распавшейся семьи, потерянных близких людей, понесённых материальных издержек. Эти стороны человеческой повседневности в той или иной степени входили в сферу интересов и ответственности Церкви, которая, окормляя своих прихожан, должна была поддерживать их в непростых жизненных обстоятельствах, следить, чтобы они сохраняли приверженность духовным ценностям православия.

Целью предлагаемой статьи является выявление и предварительный анализ последствий плена для брачно-семейных отношений российских поселенцев на Северном Кавказе и позиции Церкви по вопросу соблюдения паствой в такой ситуации норм христианского благочестия.

«О дозволении мне вступить во второй брак...»: потеря одного из супругов и возможность повторного венчания

Горский плен в глазах Церкви не считался поводом для отказа от тех обязательств, которые брали на себя люди, совершавшие таинство венчания. Этот обряд являлся основной частью чина церковного благословения брака у исповедующих православие (Желтов, 2004, с. 661–668). Чтобы не совершить один из семи смертных грехов – блуд, христиане должны были узаконить свои отношения перед Богом и людьми в Церкви, совершив необходимый ритуал. В первый раз обряд венчания проходил в празднично-торжественной атмосфере. Если обстоятельства складывались так, что человек повторно должен

был венчаться, то он перед этим совершал покаянные молитвы. И общественное мнение, и законы государства делали необходимым такое скрепление уз между мужчиной и женщиной.

Церковь запрещала вступление в новый брак, если о судьбе человека, оказавшегося в неволе, не удавалось получить никакой информации. Сохранились многочисленные свидетельства того, как, лишившись надежды воссоединиться с законным супругом или супругой, люди годами вынуждены были добиваться позволения для вступления в новый, освящённый в храме союз. В качестве примера можно рассмотреть дело урядника Николая Ананьевича Пантелеева, служившего в Кубанском казачьем полку и обратившегося в мае 1843 г. к епископу Кавказскому и Черноморскому Иеремии с просьбой о повторном браке.

Судьба выходца из станицы Григориполисской была довольно типичной для того времени. В октябре 1826 г. он был повенчан в Покровской церкви с «казачьей дочерью Еленой Моисеевою Акимовою», с которой и прожил до 1831 г. А затем «при нападении горских народов на сию станицу, в числе прочих взята в плен помянутая жена» урядника, о судьбе которой, хотя он «и употреблял старания узнать, где она находится» точных сведений так и не было получено (ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 849. Л. 2 об.). Утратив надежду соединиться с нею, казак просил «милостивейшего архипастыря» о дозволении ему «вступить с беспрепятственным лицом во второй брак» (ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 849. Л. 3).

В тот трагический для жителей станицы день 6 октября урядник лишился и других своих родственников. Вместе с супругой была похищена его мать, вдовая казачка Екатерина Пантелеева, в девичестве Никифорова. Её захватили вместе с малолетней дочерью Прасковьей и невесткой в плен и в течение двух дней везли в неизвестном направлении. Потом женщины были разлучены. Екатерина с Прасковьей остались вместе, и спустя полгода их удалось выменять у «хищников». Судьба Елены оказалась неизвестной. Видевшая её последней свекровь при официальном дознании показала, что «с того времени по сию пору ещё не имеется об ней никаких сведений где находится, равно в живых или умерших» (ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 849. Л. 21 об.).

Сам же Николай во время разграбления Григориполисской находился на службе, «в походе за Кубань», и ничем своим близким помочь не мог. Отсутствовали по хозяйственной надобности и его братья – Алексей и Фёдор, – что, возможно, спасло им жизнь.

Дотошный дознаватель опросил по этому вопросу даже Прасковью, но та лишь показала, что во всём согласна с матерью, помнит, что находилась в плену, но более ничего добавить не могла, в силу своего юного возраста.

В день разграбления станицы в плену оказались 56 мужчин и 103 женщины. Ещё 10 мужчин и 1 женщина были убиты. Ранение получили 8 мужчин и 4 женщины. Торжествующий победитель увёл с собою 2045 голов

рогатого скота. Для него это нападение стоило 13 человек безвозвратных потерь. В результате незамедлительного преследования «набежчиков» отрядом подполковника Редичкина удалось забрать у «хищников» 1582 голов скота. Видя невозможность сохранить добычу, черкесы предпочли изрубить часть животных. Однако ни одного пленника они не выпустили из своих рук, успев оторваться от погони. В дальнейшем, как уже видно из материалов дела, некоторых удалось освободить из неволи. Общий материальный ущерб станичников оценивался в 17 679 руб. (Щербина, 1913, с. 397).

Следует отметить, что вызволение пленников опиралось на хорошо налаженные и не раз применявшиеся способы. Эта практика в итоге была узаконена на высочайшем уровне, что уже само по себе говорит о масштабе проблемы и внимании к ней властей.

Так, в указе от 17 мая 1835 г. говорилось, что «всем кавказским и другим обитателям, российским подданным, как христианского, так и магометанского исповеданий, дозволить выкупать от кавказских непокорных горцев ясырей или невольников. Выкупаемых таким образом ясырей считать в подданстве России, с чем вместе прекращается и самое их именование ясырями, означающее раба или невольника, как несвойственное, по законам, российскому подданному» (Полное собрание, 1836, с. 421).

Далее следовали уточняющие пояснения, в которых оговаривался статус бывшего невольника, его финансовые обязательства перед тем, кто его выкупил из плена. Судя по скрупулёзному перечислению различных нюансов, связанных с семейным положением должника, его конфессиональной принадлежностью и т. п. обстоятельствами, к моменту принятия закона был накоплен разносторонний практический опыт в урегулировании возможных споров и защите интересов всех участников таких действий. Особо подчёркивался запрет мусульманам «пользоваться, под каким бы то предлогом ни было, услугою ясырей из христиан» (Полное собрание, 1836, с. 423). Христианская Россия не желала допускать дискриминации единоверцев, что могло поколебать её авторитет как в глазах собственных подданных, так и среди других конфессионально близких народов.

Можно было через посредников и лазутчиков узнать, у кого находится похищенный, и организовать его выкуп или обмен (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 365. Л. 24). Если этого не удавалось сделать, высоки были шансы, что попавший в неволю человек был уже мёртв. Держать его в собственном хозяйстве для горцев чаще всего было невыгодно (Иноземцева, 2014, с. 120), а продать турецким контрабандистам затруднительно. Те предпочитали юных девушек, которые пользовались повышенным спросом в османских гаремах (Спенсер, 1994, с. 98), а такие, как упомянутая выше Елена Пантелеева, для продажи не подходили. Кроме того, российское командование постепенно обустроило охрану морских границ, что значительно повышало риски для турецких негоциантов и негативно влияло на рентабельность работоторговли (Вагнер, 1974,

с. 629–630). Поэтому большинство захваченных на Северном Кавказе людей оставались в пределах региона (Дударев Д. & Дударев С., 2017, с. 174). Впрочем, нередко были случаи, когда из плена возвращались люди, пробывшие на чужбине несколько десятилетий. Женщину чаще всего ждала роль наложницы, либо она обретала новую семью и навсегда утрачивала связь со своим прошлым окружением. Нередко ей приходилось менять веру, особенно если в качестве мужа ей доставался горец-мусульманин (Клычников & Цыбулькина, 2011, с. 99).

Просьбу своего подчинённого поддержал и командир полка подполковник барон И. А. Фитингоф. В отношении к обер-священнику Отдельного Кавказского корпуса, протоиерею Лаврентию Михайловскому пояснялось, что «урядник Николай Пантелеев просит ходатайствовать моего дозволения ему вступить в законный брак ибо жена его Елена... ныне по достоверным известиям уже умерла». Среди прочего в такой просьбе имелась ещё и экономическая подоплёка. Занятый на службе урядник просто не мог самостоятельно вести хозяйство, а «одиночество в казачьем быту ведёт к разорению» (ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 849. Л. 42).

Об этой стороне казачьих реалий сказано немало. Женщина в сформировавшемся хозяйственно-культурном типе казачьего уклада играла ключевую роль. При всей культивируемой воинской маскулинности и формальном приоритете роли мужчины-защитника ни для кого не было секретом, что экономическое благополучие станичников обеспечивал женский труд.

Как писал автор-казак, «жена для гребенца – это главное его богатство, откуда он получает и обмундирование, и вооружение, и коня. Чем казак удалее и отважнее, чем он более предан службе, тем он более плохой хозяин. Жена в хозяйстве и доме – для него архимедов рычаг и ея сила чувствуется и видится ему везде. И горе казаку, который не имеет такой жены!» (К., 1886, с. 2).

Отсюда становятся понятны мотивы и самого Пантелеева, и его командира, заинтересованного в том, чтобы его подчинённый мог хорошо подготовиться к несению службы.

Лишь 17 сентября 1849 г. после проведения скрупулёзного расследования прошение урядника было удовлетворено Грузино-Имеретинской синодальной конторой. Он получил разрешение на повторное венчание со следующей формулировкой: «Дозволяется... вступить в новый брак с беспрепятственным лицом за взятием жены его в плен горцами, если только пред брачным обыском не встретится к тому каких особенных препятствий» (ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 849. Л. 54). Увы, сам Николай Ананьевич этим долгожданным решением воспользоваться не смог. Он скончался в 1848 г. от «эпидемической болезни» (ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 849. Л. 53), таким образом, в течение семнадцати лет так и не обрета свою законную «вторую половину».

В данном случае не следует обвинять Духовную Консисторию в бюрократической неповоротливости и неспешном манкировании интересами паствы.

В том же деле содержался пример коллизии двоемужества, когда, по словам Благочинного священника Николая Садовского, ему пришлось проводить следствие «по делу о дозволении казаку станицы Новоалександровской Лукьяну Стукалову вступить во второе супружество по случаю отобрания у него жены его Евдокии Никифоровой первым её мужем Петром Гуляевым» (ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 849. Л. 36). В первый брак женщина вступила в 1820 г., но, не прожив с мужем и двух лет, оказалась в одиночестве. Петра Гуляева захватили в плен, где он, судя по дошедшим слухам, и скончался. Вдова решила связать свою судьбу с Лукьяном Стукаловым – крестьянином, впоследствии причисленным к казакам. Однако в 1839 г. Пётр неожиданно для всех возвратился из плена и потребовал вернуть свою жену, что по велению начальства и было сделано. Второй же супруг, по сведениям на начало 1845 г., так и оставался в безбрачии.

Священник, понимая, «что подобного рода случаи со стороны жителей Кавказа могут быть открываемы весьма нередко, и особенно в настоящее время при заботливости правительства к преследованию горцев и освобождению от них из плена немалого количества разного звания людей» (ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 849. Л. 37), просил епископа принять этот факт во внимание, видимо, ожидая чётких указаний по такого рода случаям.

Судя по времени, когда был сформулирован этот вывод, подданные императора, проживавшие на беспокойном фронтире, связывали будущее избавление от угрозы плена с активизацией военно-политических усилий империи по обузданию набегов «немирных» горцев. На Кавказ был назначен опытный администратор и военачальник М. С. Воронцов, не только хорошо известный своими организаторскими талантами, но и пользовавшийся доверием и симпатиями государя. Фигура подобного масштаба, назначенная управлять проблемной окраиной, уже сама по себе свидетельствовала о повышенном внимании Петербурга к происходящим здесь процессам.

Но пока до окончательного решения этой болезненной проблемы было далеко, и Кавказской епархии приходилось распутывать узлы весьма непростых жизненных ситуаций, в которых оказывались прихожане, не желавшие нести ответственность за невольный грех.

«Живу незаконно...»: старообрядцы, лжеказаки и проблема повторного венчания

В ряде случаев повторный брак был затруднён фактом принадлежности просителя к числу старообрядцев. Официальная церковь неохотно шла навстречу таким мирянам, считая их раскольниками и настаивая на приобщении либо к никонианам, либо к единоверцам. В качестве примера выступает случай с казачкой Волгского полка Кавказского линейного казачьего войска Василисой Степановной Пыльцыной (в документе «Вассою Степановою Пыль-

цыною», «Василиса Степанова по мужу Пыльцына»). Из её показаний, датированных 3 сентября 1844 г., следует, что в апреле 1832 г. её муж «служащий казак Тимофей Пыльцын отъезжая в станицу Горячеводскую на пути при урочище Мокрого Гая взят хищниками и увлечён в плен... и о нём по сие время сведения совершенно никакого нет» (ГАСК. Ф. 135. Оп. 2. Д. 1001. Л. 2). Надежды увидеть своего мужа живым у женщины не осталось, и она решила устроить свою судьбу, вступив в новый брак.

В прошении на имя императора она поясняла, что «от рождения ... была старообрядкою, по этому обряду вступила в замужество», а теперь жила «незаконно того же полка с казаком так же старообрядческой секты Ивлием Корсунковым» и прижила «с ним сына, равно и от первого Пыльцына остался сын. Ныне, познав в этом своё заблуждение, возымела усердное желание от такового беззаконного своеволия удержаться и присоединиться к дозволенной правительством состоящей в Волгском полку в станице Эссентукской старообрядческой единоверческой Богоявленской церкви. Последствием этим вступить в законный брак и повенчаться в означенной церкви с помянутым казаком Корсунковым согласно его желания также присоединиться к единоверию...» (ГАСК. Ф. 135. Оп. 2. Д. 1001. Л. 2 об.).

Скорее всего, это желание было мотивировано необходимостью формально узаконить в глазах властей свои отношения. В реальности супруги явно не желали отказываться от своих религиозных предпочтений, и, согласно предоставленным «Есентуцкой единоверческой Богоявленской церкви священника Трифона Хламова» сведениям, всячески избегали перехода к единоверию.

По его словам, «он Хламов неоднократно предлагал казачке Василисе Степановой и казаку Ивлию Корсунскому исполнить своё желание, присоединиться к единоверию, но они такое обращение своё отлагали от времени до времени, пока Корсунский в феврале сего года (1846 г. – Авт.) умер в расколе» (ГАСК. Ф. 135. Оп. 2. Д. 1001. Л. 20). После этого вдова, уже не скрывая, заявила, что не будет ничего менять и «не нуждается теперь в требо-исправлении, имея своего часовенного священника в Прочно-Окопской станице Кубанского полка» (ГАСК. Ф. 135. Оп. 2. Д. 1001. Л. 20 – 20 об.).

В сентябре 1845 г. к епископу Иеремии обратилась Акулина Алексеевна Водяная, брошенная своим мужем, бежавшим в горы и оставившим её с маленьким ребёнком на руках. В её истории отразились те суровые реалии северокавказской повседневности, которые позволяют понять причины достаточно жёсткого решения властями вопроса усмирения местной «буйной вольности», бросавшей вызов миропорядку, отстаиваемому российской государственностью.

В 1838 г. вдовая казачка из станицы Ивановской Матрёна Водяная приехала «по своей надобности» в город Екатеринодар, где в это время «находились под стражею выбежавшие от горских народов неизвестные три человека» (ГАСК. Ф. 135. Оп. 3. Д. 922. Л. 1). В одном из них она узнала своего ребёнка, кото-

рого лишилась во время нападения горцев на свою станицу в 1810 г. Тогда ему было всего три года, но мать была уверена, что это её сын Николай. Она сумела убедить в этом войсковое начальство. Отданный ей мужчина был причислен к казакам станицы Ивановской, где вскоре и женился на Акулине. Дальнейшие пояснения о произошедшей череде событий, содержащиеся в прошении молодой супруги выглядят несколько путано, хотя их общая канва вполне наглядна. Новоявленный казак в 1839 г. прибыл в Екатеринодар, где чем-то вызвал подозрение у властей и оказался заключён под стражу, причём сразу помещён в острог. Спустя несколько дней в станицу прибыл чиновник «для производства об нём следствия», и в ходе опроса оказалось, что Николая Водяного не признали не только соседи, но от него отказалась даже мать. Женщина заявила, что «она ошиблась и не признаёт уже за своего сына». Все были уверены, что под его личиной скрывается «преступник или же бродяга из иноверцев иностранец». Правда, аргументы при этом выдвигались довольно легковесные. В вину ему ставилось «нерусское наречие», но учитывая, что он провёл в неволе 28 лет, удивляться такому обстоятельству не приходилось. Тем не менее решением кавказского областного суда его определили в Кавказский линейный № 10 батальон, откуда тот и «бежал к горским народам, отколь и по настоящее время не возвращался» (ГАСК. Ф. 135. Оп. 3. Д. 922. Л. 1 об.).

Расставшись с «лжесыном», Матрёна Водяная не захотела оставлять и теперь чужую для неё невестку. Та жаловалась преосвященнейшему Иеремии на то, что «осталась одна в молодых ... годах с малолетним дитём после мужа ... в самом бедном и горестном положении без приюта, не имея никого родных кроме одной 76 летней матери и едва в состоянии с горестью одна снискивать как для себя, так и дитяти одежду и дневное пропитание», и на то, что оттого «уже клонится жизнь» её «к крайней точке» (ГАСК. Ф. 135. Оп. 3. Д. 922. Л. 4). Выходом из создавшейся тяжёлой жизненной ситуации Акулина видела в новом браке, но для этого она должна была получить разрешение от епископа.

«Взял оно по ошибке»: судьбы детей-пленников

В дополнение к описанной выше истории отметим, что утраченные в процессе пленения и воровства дети не раз фигурируют в материалах архивных дел. Например, в 1832 г. в слободе Александровке приехавшие по торговой надобности «мирные» черкесы украли «у малороссийского крестьянина Николая Кипенкова» 4-х летнего мальчика Кондрата. Николай обратился в полицию в надежде вернуть сына, но похитителей так и не нашли (ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 189. Л. 1). На следующий год, в результате действий известного в пограничье своим воинским мастерством барона Г. Х. Засса, у горцев был отбит полон, в числе которого находился мальчик примерно такого же возраста, как и похищенный Кондрат. Первоначально ребёнка отдали

жителю села Обильного Фёдору Коровину, но тот вскоре заявил, что «взял одного по ошибке» (ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 189. Л. 1 об.). В результате судебного разбирательства Кипенков сумел убедить власти о наличии у мальчика примет, которые были у его сына, и забрал его к себе домой. Но на этом злоключения бывшего пленника не закончились. В мае 1835 г. комендант города Пятигорска полковник Жилинский отдал приказ забрать ребёнка из крестьянской семьи и передать казаку станицы Григориполисской Хрусталеву, который также потерял сына и посчитал «найдёныша» своим. Помимо опознания личности мальчика, поднимался вопрос и о компенсации затрат, понесённых Кипенковым на его содержание. Предполагалось, что Хрусталёв, в случае если окажется действительно настоящим родителем мальчика, вернёт за него 126 рублей (ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 189. Л. 2). Опрос соседей позволил наконец поставить точку в этой затянувшейся истории. Кондрат «оказался» Яковом, сыном казака Хрусталева (ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 189. Л. 8). Судьба же крестьянского мальчика так и осталась неизвестной.

На основании данных о других случаях, связанных с похищением детей, можно предположить, что он остался в качестве ясыря и вполне мог дожить в таком статусе до старости, утратив свою этническую и религиозную идентичность. В этой связи вызывает интерес судьба мужчины, который «1846 года мая 24 дня...в присутствии Областного правления был спрошен и показал»: «Звать меня Роман, по отцу Андреев, по фамилии, сколько припомнить могу Агрыский, сколько мне от роду лет не знаю. Казак Темнолесской станицы» (ГАСК. Ф. 63. Оп. 25. Д. 451. Л. 3). Однажды отец взял его в поездку в другую станицу, куда отправился на пяти воловьих повозках. Но отъехав не более трёх вёрст от Темнолесской, путники были атакованы горцами. Отец мальчика был «срублен», и Роман не знал, остался ли тот в живых. Его же увели в неволю, где он находился до февраля 1846 г. Из смутных воспоминаний бывшего пленника известно, что в станице у него оставалась мать, имя которой он припомнить не сумел, но «по отчеству Савельевна». Также он показал, что у него были «два брата старше ... Макар и Иван, сестра Афимия» (ГАСК. Ф. 63. Оп. 25. Д. 451. Л. 3 об. – 4).

Точно установить время пребывания в плену казачьего сына оказалось затруднительно, но по примерным расчётам его рабство длилось с 6-ти до 28-летнего возраста (ГАСК. Ф. 63. Оп. 25. Д. 451. Л. 2). За это время он был «часто продаваем горцами», поменял множество владельцев, пока не оказался выкупленным властями в форте Головинском. Скорее всего, от него избавились лишь из-за возникшей нужды, т. к. по словам самого Романа Андреевича, «по случаю 2-х летнего сильного неурожая в горах распространился сильный голод, отчего по неимению средств достать хлеба многие лишаются жизни» (ГАСК. Ф. 63. Оп. 25. Д. 451. Л. 2 об.). В противном случае невольник, всё ещё крепкий мужчина, так и оставался бы в горах, возможно, до самой смерти.

Такой исход не всегда был связан с отсутствием выбора. Некоторые пленники добровольно выказывали желание остаться среди горцев, поскольку, проведя в их окружении большую часть жизни, они уже не могли вернуться к прежнему «русскому миру». Так, к примеру, случилось с 65-летним Андреем Ивановичем Кречетовым из Жантемирова аула, которого в 1811 г. среди «прочих молодых ребят в плен забрали». После нескольких неудачных побегов владетель принял решение «оженить» его на своей крестьянке. С нею он, «прижив детей, ещё годов через семь принял магометанскую веру», которую и теперь исповедовал. Что-либо менять по прошествии стольких лет (показания были даны 26 июня 1853 г.) Коршунов не пожелал и пояснил: «Имею жену, сына и две дочери и как я теперь преклонных лет и слабого здоровья, то не имею желания обратиться в православную веру, а останусь навсегда в магометанской, по причине более тем, что я не имею никакого родства, а обязан семейством магометанского закона» (Тютюнина, 1998, с. 29-30). Его прежняя семья – отец, мать и полуторарагодовалый брат, видимо, погибли при разграблении обоза в тот день, когда сам Андрей Иванович был захвачен «хищниками». Эти доводы начальство сочло вполне уместными, и факт «совращения» от православия решено было оставить «без преследования» (Тютюнина, 1998, с. 31).

Ещё чаще встречались случаи, когда попавшие в плен девочки вырастали, выходили замуж за горцев, растили детей, а потом отказывались возвращаться обратно (Матвеев, 2002, с. 63).

Но были и примеры того, как спустя два десятилетия жизни в иноэтнической среде человек пытался вновь вернуться к прежним культурным корням. В июле 1836 г. к Екатеринодарскому карантину вышел бежавший из неволи и «показывавший себя русским человеком по имени Макар, а по черкески Тлимаф». Вместе с ним пришла и его жена Кохан. Своей фамилии беглец не помнил, но указал, что жил где-то на хуторах, принадлежавших Усть-Лабинской станице, его отца звали Павлом, а старших братьев Харитон и Давид. Матери он лишился ещё до своего пленения и имени вспомнить не мог. Русский язык Макар-Тлимаф забыл, а потому просил поселить его среди черкесов в Гривенском ауле. Кроме того, «всю бытность его у черкес в плену он исполнял религию по магометанскому закону, а теперь желает принять, по-прежнему, греко-российское исповедание» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1487. Л. 103-103 об, 106).

Иногда информация о таких людях попадала в прессу. На страницах «Кубанских войсковых ведомостей» за апрель 1865 г. встречается упоминание о казачке Аксинье, примерно 40 лет, плохо говорящей по-русски. Она вышла из плена, имея на руках грудного ребёнка, и сведения об этом поместили в разделе «О розыске людей», чтобы попытаться установить её возможных родственников (Кубанские, 1865, с. 63). Но, как показывал опыт, вероятность успешного опознания была невелика.

«Какой ты веры...»: религиозная принадлежность как маркер идентичности. Служба священнослужителей в условиях фронтирных опасностей

Приверженность к своей вере считалась одним из маркеров лояльности человека. Недаром в унифицированных опросных листах содержался пункт, по которому следовало ответить: «Какой ты веры, и ежели христианской, то когда ты был на исповеди и у Святого причастия?» (ГАСК. Ф. 63. Оп. 25. Д. 449. Л. 3). Естественно, что, будучи в горской неволе, христиане не могли посещать службы и выполнять необходимые ритуалы. Но до пленения и после него это считалось обязательным условием подтверждения своего вероисповедания.

Недаром, помимо практики перехода в ислам, существовали и обратные примеры. Осенью 1810 г. на русскую сторону из закубанского плена выбежали турецко-подданные, изъявившие желание остаться в России и принять крещение. В итоге вместо Селеймана появился Василий, вместо Хивы – Ольга, а их сын Смаил стал Владимиром. Новоявленные христиане Василий и Ольга были повенчаны и в дальнейшем приписаны к Каневскому куреню в Черномории (Черкасов, 2020, с. 1609–1610).

Известны факты, когда в руках враждебных сил оказывались и сами священники. Так, в апреле 1797 г. «армянский архиерей Карабет, архимандрит Фугая и диакон Петрос захвачены при следовании в Нахичевань натухай черкесами в плен, коих закубанские жители из армян выкупили...» (Черкасов, 2020, с. 1468). Они были доставлены на Екатеринодарский меновой двор, где после обязательного карантинного очищения ожидали решения по своему случаю со стороны Синода.

В августе 1842 г. священник ставропольской станицы Старо-рождественской Симеон Стефанов вместе с женой Екатериной и семейством, по воле церковного начальства исправлявший христианские требы во вновь построенных станицах по Лабинской линии, при возвращении на свою родину в десяти верстах от станицы Чамлыцкой был атакован партией закубанских хищников. Нападавшие изрубили казачий конвой, убили священника Стефанова, завладели бывшим при нём имуществом и некоторыми церковными вещами, а жену священника захватили в плен (ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 3. Л. 1).

Через восемь месяцев Екатерину Стефанову выкупил из горского плена родной брат её мужа, тоже священник, Иван Добровольский за 300 рублей серебром. За неимением у него назначенной суммы для выкупа он часть денег заимствовал у других, часть суммы получил от продажи дома с пристройками и тремя головами скота, оставшихся от покойного Симеона Стефанова, и через то сам со своим семейством попал в бедственное положение и оставил также Екатерину Стефанову без приюта и средств к существованию (ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 3. Л. 6).

По этой причине вдова священника Стефанова обращалась в Кавказскую Духовную консисторию с просьбой о пособии. После проведенного расследования и установления всех обстоятельств произошедшего Консистория «пригласила всё Кавказской епархии духовенство к добровольному пожертвованию на единовременное пособие просительнице» (ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 3. Л. 11 об). Всего было собрано 116 рублей 35 копеек серебром и передано по назначению.

Уместно отметить и то обстоятельство, что у «хищников» стремились вернуть захваченные церковные атрибуты. Известен случай, когда в 1838 г. некий «жительствующий за Кубанью» армянин Капрел Хачадуров выкупил «у горцев церковный напрестольный крест» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1731. Л. 11). Тот оказался утрачен в результате разграбления одного из черноморских судов, потерпевших крушение у кавказского побережья, не контролируемого российскими войсками. Власти сочли необходимым отметить столь похвальный поступок и выдали Хачадурову свидетельство, в котором раскрывались обстоятельства совершённого благодеяния. Его снабдил подписью и печатью лично командующий Черноморской Линией генерал-майор Н. С. Завадовский. Сам Хачадуров был известен тем, что уже участвовал в освобождении из горского плена российских подданных, в частности, в выкупе «жителя города Екатеринодара из малолетков казака Петра Бутковского» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1731. Л. 6). Такого рода поступки всячески поощрялись и позволяли рассчитывать на благожелательное отношение со стороны кавказской администрации, что было особенно важно для людей, занимающихся коммерческой деятельностью.

Выводы

Угроза лишиться имущества, свободы, а то и самой жизни в условиях северокавказского фронта первой половины XIX века была неотъемлемой чертой повседневности. Подлинной трагедией становилась потеря детей, которые считались одной из наиболее желанных видов добычи для «пленопродавцев». Такая ситуация не могла не отразиться на различных сторонах брачно-семейных отношений проживавших здесь людей. Один из супругов мог в любой момент потерять близкого человека, что, помимо душевных переживаний, наносило ещё и вполне осязаемый удар по его материальным интересам, могло поставить на грань разорения, создать угрозу выживанию. Отсюда стремление вступить в новый брачный союз, освящённый авторитетом Церкви. Необходимость блюсти нравственность своей паствы заставляла иерархов крайне осторожно относиться к разрешению на повторное венчание. Требовались убедительные аргументы, подтверждавшие, что семья в прежнем составе уже не сможет воссоединиться. Это доставляло существенные слож-

ности для оставшихся в одиночестве людей, т.к. доказать гибель попавшего в неволю человека было крайне затруднительно, а порой невозможно.

Между тем конфессиональная принадлежность человека считалась одним из важнейших маркеров его лояльности по отношению как к культурному, так и политическому пространству России, в которой православие было стержнем господствующей идеологии. От прихожан требовали сохранять верность религиозным устоям даже в обстоятельствах плена. Сами религиозные деятели наравне со своей паствой подвергались опасности стать жертвой «хищничества», а потому их служение и верность долгу обеспечивали им достаточно высокий авторитет в глазах верующих.

Список литературы

- Блиев, М. М., & Дегоев, В. В. (1994). *Кавказская война*. Росет.
- Ботяков, Ю. М. (2004). *Абреки на Кавказе: Социокультурный аспект явления*. Петербургское Востоковедение.
- Вагнер, М. (1974). Кавказ и земля казаков в годы с 1843 по 1846. В *Адыги, балкарцы и карачаевцы в известия европейских авторов XIII-XIX вв.* (с. 629–631). Эльбрус.
- Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). (б. д.-а). Ф. 249. Канцелярия наказного (войскового) атамана Кубанского казачьего войска. 1776–1870, 1880, 1898 гг. Оп. 1. Д. 365.
- Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). (б. д.-б). Ф. 249. Канцелярия наказного (войскового) атамана Кубанского казачьего войска. 1776–1870, 1880, 1898 гг. Оп.1. Д. 1487.
- Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). (б. д.-с). Ф. 249. Канцелярия наказного (войскового) атамана Кубанского казачьего войска. 1776–1870, 1880, 1898 гг. Оп. 1. Д. 1731.
- Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). (б. д.-а). Ф. 63. Кавказское областное правление. 1822–1847 гг. Оп. 25. Д. 449.
- Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). (б. д.-б). Ф. 63. Кавказское областное правление. 1822–1847 гг. Оп. 25. Д. 451.
- Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). (б. д.-с). Ф. 135. Ставропольская духовная консистория. 1843 - 1918 гг. Оп. 1. Д. 3.
- Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). (б. д.-д). Ф. 135. Ставропольская духовная консистория. 1843 - 1918 гг. Оп. 1. Д. 849.
- Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). (б. д.-е). Ф. 135. Ставропольская духовная консистория. 1843 - 1918 гг. Оп. 2. Д. 1001.
- Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). (б. д.-ф). Ф. 135. Ставропольская духовная консистория. 1843 - 1918 гг. Оп. 3. Д. 922.
- Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). (б. д.-г). Ф. 444. Канцелярия Кавказского гражданского губернатора. 1822 - 1847 гг. Оп. 1. Д. 189.
- Дударев, Д. С., & Дударев, С. Л. (2017). *Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века*. Дизайн-студия Б.

- Желтов, М. С. (2004). Венчание брака. В *Православная энциклопедия*: Т. VII (с.с. 661–668). Церковно-научный центр «ПРАВОСЛАВНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ».
- Иноземцева, Е. И. (2014). *Институт рабства в феодальном Дагестане. Очерки истории*. ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ.
- К. (1886). Гребенцы (Из заметок и воспоминаний гребенца). *Терские ведомости*, 11, 2.
- Карпов, Ю. Ю. (1996). *Джигит и волк: Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа*. Наука.
- Клычников, Ю. Ю. (2018). Совместничество: Ретроспективный анализ специфики русско-северокавказских отношений. *Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова*, 9.
- Клычников, Ю. Ю., & Цыбулькинова, А. А. (2011). «Так буйную вольность законы теснят...»: Борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки). РИА КМВ.
- Кубанские войсковые ведомости*. (1865). 16, 61–64.
- Марзей, А. С. (2004). *Черкесское наездничество «зеклуэ»*. Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX века. Издательский центр «Эль-Фа».
- Матвеев, О. В. (2002). *Враги, союзники, соседи: Этническая картина мира в исторических представлениях кубанских казаков*. Издательство «Крайбибколлектор».
- Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание*: Т. X (I). 8138. (1836).
- Спенсер, Э. (1994). *Путешествие в Черкессию*. РИПО «Адыгея».
- Тютюнина, Е. С. (1998). Судьбы кавказских пленников. *Документы 1817 – 1853 гг.*
- Черкасов, А. А. (2020). Черкесские невольничьи повествования (Сборник документов). *Былые годы*, 57–1(3–1), 1609–1610.
- Щербина, Ф. А. (1913). *История Кубанского казачьего войска*. В 2-х т. (1–II. История войны казаков с закубанскими горцами). Типография товарищества печатного и издательского дела под фирмою «ПЕЧАТНИК».

References

- Bliev, M. M., & Degoev, V. V. (1994). *Kavkazskaja vojna*. Roset. (In Russian).
- Botyakov, Ju. M. (2004). *Abreki na Kavkaze: Sociokul'turnyj aspekt javlenija*. Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russian).
- Cherkasov, A. A. (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*, 57-1(3-1), 1609-1610. (In Russian).
- Dudarev, D. S., & Dudarev, S. L. (2017). *Severnnyy Kavkaz glazami predstaviteley rossiyskogo obshchestva pervoy poloviny – serediny XIX veka*. Dizayn-studiya B. (In Russian).
- Inozemtseva, E. I. (2014). *Institut rabstva v feodal'nom Dagestane. Ocherki istorii*. IIAE DNTs RAN, ALEF. (In Russian).
- К. (1886). Grebentsy (Iz zametok i vospominaniy grebentsa). *Terskie vedomosti*, 11, 2. (In Russian).

- Karpov, Yu. Yu. (1996). *Dzhigit i volk: Muzhskie soyuzy v sotsiokul'turnoy traditsii gortsev Kavkaza*. Nauka. (In Russian).
- Klychnikov, Yu. Yu. (2018). *Sovmestnichestvo: Retrospektivnyy analiz spetsifiki russko-severokavkazskikh otnosheniy. Izvestiya nauchno-pedagogicheskoy Kavkazovedcheskoy Shkoly V.B. Vinogradova*, 9. (In Russian).
- Klychnikov, Yu. Yu., & Tsybul'nikova, A. A. (2011). «*Tak buynuyu vol'nost' zakony tesnyat...*»: *Bor'ba rossiyskoy gosudarstvennosti s khishchnichestvom na Severnom Kavkaze (istoricheskie ocherki)*. RIA KMV. (In Russian).
- Kubanskije voyskovye vedomosti*. (1865). 16, 61–64. (In Russian).
- Marzey, A. S. (2004). *Cherkesskoe naezdnichestvo «zekIue»*. *Iz istorii voennogo byta cherkesov v XVIII – pervoy polovine XIX veka*. Izdatel'skiy tsentr «El'-Fa». (In Russian).
- Matveev, O. V. (2002). *Vragi, soyuzniki, sosedi: Etnicheskaya kartina mira v istoricheskikh predstavleniyakh kubanskikh kazakov*. Izdatel'stvo «Kraybibkollektor». (In Russian).
- Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Vtoroe sobranie: Vol. X (I)*. 8138. (1836). (In Russian).
- Shcherbina, F. A. (1913). *Istoriya Kubanskogo kazach'ego voyska. V 2-kh t. (1–II. Istoriya voyny kazakov s zakubanskimi gortsami)*. Tipografiya tovarishchestva pechatnogo i izdatel'skogo dela pod firmoyu «PECHATNIK». (In Russian).
- Spenser, E. (1994). *Puteshestvie v Cherkesiyu*. RIPO «Adygeya». (In Russian).
- State Archive of the Krasnodar Territory (SAKR). (n. d.-a). F. 249. *Chancery of the Ordering (Troop) Ataman of the Kuban Cossack Troops. 1776-1870, 1880, 1898 zz*. In. 1. C. 365. (In Russian).
- State Archive of the Krasnodar Territory (SAKR). (n. d.-b). F. 249. *Chancery of the Ordering (Troop) Ataman of the Kuban Cossack Troops. 1776-1870, 1880, 1898 zz*. In.1. C. 1487. (In Russian).
- State Archive of the Krasnodar Territory (SAKR). (n. d.-c). F. 249. *Chancery of the Ordering (Troop) Ataman of the Kuban Cossack Troops. 1776-1870, 1880, 1898 zz*. In. 1. C. 1731. (In Russian).
- State Archive of the Stavropol Territory (SAST). (n. d.-a). F. 63. *Caucasus Regional Board. 1822-1847 zz*. In. 25. C. 449. (In Russian).
- State Archive of the Stavropol Territory (SAST). (n. d.-b). F. 63. *Caucasus Regional Board. 1822-1847 zz*. In. 25. C. 451. (In Russian).
- State Archive of the Stavropol Territory (SAST). (n. d.-c). F. 135. *Stavropol Ecclesiastical Consistory. 1843 – 1918 zz*. In. 1. C. 3. (In Russian).
- State Archive of the Stavropol Territory (SAST). (n. d.-d). F. 135. *Stavropol Ecclesiastical Consistory. 1843 – 1918 zz*. In. 1. C. 849. (In Russian).
- State Archive of the Stavropol Territory (SAST). (n. d.-e). F. 135. *Stavropol Ecclesiastical Consistory. 1843 – 1918 zz*. In. 2. C. 1001. (In Russian).
- State Archive of the Stavropol Territory (SAST). (n. d.-f). F. 135. *Stavropol Ecclesiastical Consistory. 1843 – 1918 zz*. In. 3. C. 922. (In Russian).
- State Archive of the Stavropol Territory (SAST). (n. d.-g). F. 444. *Office of the Caucasian Civil Governor. 1822 – 1847 zz*. In. 1. C. 189. (In Russian).
- Tyutyunina, E. S. (1998). *Sud'by kavkazskikh plennikov. Dokumenty 1817 – 1853 gg*. (In Russian).

- Vagner, M. (1974). Kavkaz i zemlja kazakov v gody s 1843 po 1846. In *Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestija evropejskih avtorov XIII-XIX vv.* (pp. 629–631). El'brus. (In Russian).
- Zhel'tov, M. S. (2004). Venchanie braka. In *Pravoslavnaya entsiklopediya: Vol. VII* (pp. 661–668). Tserkovno-nauchnyy tsentr «PRAVOSLAVNAYA ENTsIKLOPEDIYA». (In Russian).